

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Филологический факультет

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов IX (XXIII)
Международной научно-практической
конференции молодых учёных
(14–16 апреля 2022 г.)

Выпуск 23

Томск
Издательство Томского государственного университета
2022

doi: 10.17223/978-5-907572-04-1-2022-87

**КОНЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА
В «ГРУЗИНСКОМ АЛЬБОМЕ» А.Г. БИТОВА**

Буханова Е.Д.

Томский государственный университет, магистрант

CONCEPT OF CREATIVITY

IN THE NOVEL «A GEORGIAN ALBUM» BY A.G. BITOV

Bukhanova E.D.

Tomsk State University, master student

В «Грузинском альбоме» (1970–1983) А.Г. Битова творчество понимается как выражение бытия («выбор природы»), как следование «феномену нормы», а не субъективному восприятию. В искусстве грузинских художников слова и кино Битов открывает органичное проявление национального мироощущения. Лирическое самовыражение автора обнаруживает близость стернианской поэтике.

Ключевые слова: А.Г. Битов, Л. Стерн, «Грузинский альбом», творчество, культура

In the novel by A.G. Bitov «A Georgian Album» (1970–1983) the creativity is considered to be an expression of the being («the choice of the nature»), as following the «phenomenon of the norm», not subjective perception. In the art of Georgian writers and film makers Bitov reveals the organic manifestation of the deep national feeling. Author expression appears to approximate to the poetics of L. Stern.

Key words: A.G. Bitov, L. Sterne, «A Georgian Album», creativity, culture

Научный руководитель: Т.Л. Рыбальченко, канд. филол. наук, доцент ТГУ.

Андрей Битов – русский прозаик, признанный как продолжатель традиции реалистической психологической прозы и как автор современной философской прозы, обращённой к проблеме культуры и искусства, их возможностей в познании человека и бытия. В наследии Битова сосуществуют и оказываются связанными поэтикой две стратегии, а именно – выражение автора в повествовании о персонаже «героя» и прямое выражение автора в лирическом и эссеистском высказывании. Помимо книг с эссе о литературе и культуре, в творчестве писателя как целостные жанровые образования выделяются лирические (автобиографические) повести «Уроки Армении» (1967–1969) и «Грузинский Альбом» (1970–1983).

В статье рассмотрена концепция творчества в повести «Грузинский альбом», создававшейся из самостоятельных лирических новелл. Жанровая поэтика повести определяется сложением нескольких стилевых стратегий. «Грузинские» и «русские» главы чередуются как «эскизы» (зарисовки и лирическая рефлексия) не по принципу «коллажа», а по принципу тематического контрапункта (реальность и субъективные образы мира; жизнь и смерть, творчество и его предназначение, личностное и национальное в художнике и т.д.). Доминирующая над лирическим самовыражением философская рефлексия переслаивает элементы фабульной новеллистической основы и приближает «альбом» к форме цикла лирико-философских рефлексий, к жанру лирической повести.

Нарративное единство обусловлено внутренней коллизией автора, пытающегося понять сущность писательского дара, искусства и сущность бытия как природного космоса, материально-духовного. «Грузинский альбом» при фабульной размытости (отсутствии истории реального путешествия) можно прочесть как высказывание о мире лирического героя – русского писателя, осмысляющего опыт поездки в Грузию, но, по собственному признанию, пишущего в Грузии «о России, в России – о Грузии» [1. С. 332].

Свобода развёртывания повествования соотносится со стратегией английского писателя XVIII в. Л. Стерна в его неоконченных романах «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» (1759–1767) и «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» (1768), что подтверждается аллюзиями в тексте Битова. Во внимании к внутренней подлинности проживания нового опыта, а не к изображению внешних реалий, прослеживается ориентация на парадигму не травелога, а «сентиментального путешествия».

Новеллы «альбома» можно классифицировать на разных основаниях. Во фрагментах, связанных с восприятием грузинского искусства и культуры, выявляется не этнография и не национальная психография, а познание сущности творчества как такового. Образы инонационального космоса исследуются сквозь

призму родной культуры и дают обратный эффект понимания себя и своей культуры в сравнении с иной культурой. Принцип познания иного мира проявляется не столько в открытии инонационального образа жизни, сколько в саморефлексии восприятии грузинского искусства (архитектуры, кино и словесности). Субъективная интерпретации чужих художественных миров как «мнений», выводящая к философии творчества и культуры, на наш взгляд, развивает открытия Стерна.

«Грузинский альбом» вырос из частных лирических рефлексий о трёх грузинских кинематографистах, представителях «нового грузинского кино» конца 1960-х–начала 1970-х гг.: О. Иоселиани, Р. Габриадзе, Э. Ахвледиани. В 1976 г. Битов опубликовал цикл эссе «Выбор природы. Три грузина». В 1986 г. «грузинский текст» «альбома» был дополнен эссе о средневековом поэте Ш. Руставели, в эпической поэме «Витязь в тигровой шкуре» открывшем в естественности речи онтологическое национальное мироощущение («Дом поэта», «Могила поэта» (1974), затем «Родина поэта» (до 1991 г.)).

Фокализация на кинематографе как на предмете рефлексии имела не только автобиографические, но и эстетические основания. Битов обратился к визуальному искусству, чтобы понять возможности словесного. Скрывая замысел (режиссёра, сценариста) в игре актёра, в визуальных образах, киноискусство открывает значение непрямого слова, иносказания, многослойности смысла художественного образа. Критерий для выбора образов-метафор – сама действительность, «натура». Битов обыгрывает процесс съёмок, начинающийся не со сценария, а с выбора природы, когда замысел корректируется снимаемой на плёнку реальностью. Натурфилософская модальность стерниански профанируется лирическим героем, поиск ландшафта для съёмок приобретает символическое значение тяготения грузинского искусства к онтологии, к новому открытию привычного мира.

Так, в фильме О. Иоселиани «Листопад» (1966) Битов выделяет не основную сюжетную часть, а документальный эпиграф – бытовые сцены винодельческих работ грузинских крестьян, от

сбора винограда до разлива вина и коллективной трапезы: «Так мать пеленает, как они живут» [2. С. 541]. «Сентиментального путешественника» поражает обращённый к нему с экрана взгляд старика-крестьянина, выразивший высшую степень подлинности, памяти, ответственности перед вечностью (новелла «Режиссёр»).

Р. Габриадзе в сценариях 1960–1970-х гг. выразил, по Битову, устойчивость национальной аксиологической системы и её потенциал (подобно Йорику, в путешествии во Францию продолжавшему жить ценностями англичанина): «Его мир ему принадлежал – и он существовал в нём и узнавал его вокруг себя» [2. С. 561] (эссе «Сценарист» 1972 г.). Парадоксальную форму присутствия автора в творении – полноту отсутствия, молчания выразил, по Битову, писатель Э. Ахвледиани, показавший в книге «Вано и Нико» земной, вседневный абсолюте – равенство жизни самой себе, её принятие художником: «Может, это и есть свобода? <...> для достижения её понадобилась как раз крайняя степень <...> освобождения именно от себя» [2. С. 579] (эссе «Писатель», не позднее 1973 г.).

В «Постскриптуме» (1973) Битов нашёл модель феномена нормы в искусстве в грузинских храмах – бессловесных высказываниях строителей о мире. От храмов остаются руины. Но «сентиментальный путешественник» испытывает эмоциональное потрясение от созерцания именно остатков храмов, заставляющих разгадывать замысел, а не прочитывать его как итог, формулу мироотношения. Произведение искусства, по Битову, не нуждается ни в музейном сохранении, ни в реконструкции. Оно побуждает достраивать суждение художника о мире: «Нет, культура не возрождается; она – творится. <...> Культура вечна и непрерывна, а мы её либо знаем, либо нет» [1. С. 490].

Список источников

1. Битов А. Империя в четырёх измерениях: Измерение III. Путешествие из России. СПб. : ТИД Амфора, 2009. 559 с.
2. Битов А.Г. Семь путешествий : Повести. Л. : Советский писатель, 1976. 590 с.